

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 81.272

doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-147-153

ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ЕЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА ФОНЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

© *Умайма Рабхи*

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
rabhioumaima4@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются особенности организации коммуникативной ситуации в виртуальной реальности и анализируются отличительные черты виртуального дискурса. На основании проведенного опроса активных интернет-пользователей показано, что как русскоязычные, так и франкоязычные пользователи выделяют удобство, скорость, доступность и легкость виртуального дискурса, однако осознают значительные отличия такой формы коммуникации от естественной в связи с отсутствием пауз в речи, замены жестов и мимики эмодзи и смайликами, несинхронной реакции собеседников. Тем не менее, значительное распространение именно такой формы общения приводит к изменению норм живого личного общения под влиянием виртуальной культуры. Утверждается, что в большинстве случаев участники виртуальной коммуникации остаются анонимными, что открывает широкие возможности для конструирования как индивидуальной, так и социальной идентичности.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, электронный опосредованный дискурс, характеристики виртуального общения, виртуальная языковая личность, виртуальная самопрезентация, естественная и электронная коммуникация.

Для цитирования: Рабхи У. Виртуальная коммуникация и ее характеристики в русском языковом сознании (на фоне французского языка) // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 110. № 3. С. 147-153. doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-147-153.

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

Virtual communication and its characteristics in the Russian language representation (against the background of the French language)

© *Oumaima Rabhi*

Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
rabhioumaima4@gmail.com

Abstract. The features of the organization of the communicative situation in virtual reality are considered and the distinctive features of virtual discourse are analyzed. Based on a survey of active Internet users, it is shown that both Russian-speaking and French-speaking users emphasize the convenience, speed, accessibility and ease of virtual discourse, but they are aware of the significant differences between this form of communication and natural communication due to the lack of pauses in speech, the replacement of gestures and facial expressions with emojis and emoticons, and an unsynchronized reaction. interlocutors. Nevertheless, the significant spread of this particular form of communication leads to a change in the norms of live personal communication under the influence of virtual culture. It is argued that in most cases, participants in virtual communication remain anonymous, which opens up wide opportunities for constructing both individual and social identity.

Key words: virtual discourse, electronic mediated discourse, characteristics of virtual communication, virtual linguistic personality, virtual self-presentation, natural and electronic communication.

For citation: Rabhi O. Virtual communication and its characteristics in the russian language representation (against the background of the French language). *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 110. No 3. P. 147-153. doi: 10.18522/2070-1403-2025-110-3-147-153.

Введение

Современный мир характеризуется широким распространением информационно-коммуникационных технологий и постоянным развитием сфер действия современных средств коммуникации. Очевидно, что современные процессы дигитализации (активное внедрение и распространение цифровых технологий) оказывают существенное влияние на все сферы жизни человека и общества. Как отмечает Л. Мерзо, цифровые технологии вызывают трансформацию окружающей среды, и «такая мутация <...> ставит под сомнение концептуальные модели, которые используются для их формализации» [15, с. 23, перевод автора].

С учетом постоянного роста использования информационных технологий, можно с уверенностью утверждать наличие процесса виртуализации человеческой деятельности, который приводит к отчуждению человека от реальной жизни и может повлечь за собой полную замену осязаемых объектов их виртуальными аналогами. Этот процесс виртуализации, инициированный внедрением современных виртуальных технологий, в свою очередь привел к появлению киберпространства – Интернет, которое трансформировало саму реальность. По определению Ж. Матузица, «киберпространство – это глобальная деревня, сфера взаимодействия между пользователями из множества культурных пространств» [14, с. 713].

В этих цифровых условиях главным образом трансформируется коммуникативная сфера жизни человека. Естественно, широкое развитие Интернета привело к появлению виртуального общения, которое все чаще становится альтернативой реальному взаимодействию, создавая новую область информационного обмена и способствуя возникновению новых форм отношений в обществе. Как отмечает Д.В. Галкин, «развитие компьютерных и телекоммуникационных систем, набирающая силу конвергенция вычислительной техники, средств связи и коммуникаций радикально меняет дискурсивный ландшафт культуры» [2, с. 27]. Следовательно, к традиционному бинарному делению коммуникации на устную и письменную добавился третий член – виртуальная коммуникация.

По мнению Т.Г. Скребцовой, виртуальная коммуникация характеризуется сочетанием признаков традиционной вербальной коммуникации в ее устной и письменной формах: она обладает ярко выраженными свойствами устной речи, однако по своей реализации является письменной формой общения [7]. Необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье для обозначения процесса общения посредством Интернет-технологий будут использоваться термины «интернет-коммуникация», «виртуальная коммуникация» и «виртуальный дискурс». Вопрос о специфике виртуального дискурса активно обсуждается в современной лингвистике в трудах и отечественных [1; 6; 5; 4], и зарубежных [10; 11; 12] лингвистов.

Активно развивающийся виртуальный дискурс (далее – ВД) функционирует в принципиально отличных от естественной коммуникации условиях: он осуществляется между виртуальными языковыми личностями в виртуальной реальности, созданной на основе компьютерных технологий. Виртуальная коммуникация проявляется в многообразных формах. Несмотря на существование различных классификаций, наибольшую популярность приобрела классификация по уровню интерактивности.

Согласно этой классификации, в киберпространстве выделяют две основные формы коммуникации: синхронная и асинхронная. Синхронная коммуникация, предполагающая взаимодействие в режиме реального времени, характеризуется наивысшей степенью интерактивности и включает в себя такие средства, как чаты (Internet Relay Chat, IRC), многопользовательские ролевые игры MUDs (от «multi-user dimension» – ролевая игра с объединенным виртуальным пространством для множества пользователей) и т.д. Асинхронная коммуникация допускает задержку в ответе. К этой категории относятся веб-форумы (Web-based forums), дискуссионные списки (discussion lists), гостевые книги (guest books), электронная почта, списки рассылки (mailing lists), телеконференции (newsgroups)

и блоги [16]. В наши дни исследование виртуальной коммуникации преимущественно привлекает внимание психологов, изучающих воздействие Интернета на общество, поскольку общение является фундаментальной формой человеческой деятельности и пронизывает всю жизнь человека, представляющая собой важную потребность. Большинство из этих работ принадлежит западным исследователям [8; 9; 13]. Эти ученые рассматривают общение как социально-психологическое явление, поэтому изучение различий между виртуальным и реальным общением приобретает особое значение.

Очевидно, любая коммуникативная ситуация имеет определенную структуру и обусловлена различными компонентами (например адресат, адресант, коммуникативно-ситуационное пространство, степень знакомства и т.п.). Реальное общение характеризуется тремя основными компонентами: межличностным взаимодействием, зрительным контактом и эмоциональной составляющей. Межличностное взаимодействие предполагает наличие общих интересов, обмен мнениями и опытом, установление отношений.

Эмоции определяются уровнем эмоциональной близости между людьми. Визуализация включает в себя мимику, жесты, интонацию голоса, что способствует эффективному общению и его пониманию. Таким образом, в процессе живого общения мы полностью погружаемся во взаимодействие с собеседником, когда активируются все органы чувств: зрительное восприятие, слух, обоняние. ВД также обладает некоторыми из перечисленных признаков реального общения, например, наличие адресата и адресанта, цели общения, однако он отличается двумя главными характеристиками – анонимностью (и для адресата, и для адресанта) и самопрезентацией.

Действительно, анонимность и форма манифестации себя (самопрезентация) в ВД влияют на коммуникацию и ее результаты и позволяют достигать цели общения различными способами. ВД присущ тот факт, что «адресат может быть отделен от адресанта в пространстве и/или во времени; он может быть неопределенным, обобщенным или фиктивным» [3, с. 9]. Кроме того, при безличном подходе к общению выбор аспектов компонентов самопрезентации характеризуется неограниченной свободой и фантазией. Виртуальная коммуникация характеризуется рядом других специфических черт. К ним относятся опосредованность и удалённость взаимодействия, интерактивность, глобальный межкультурный характер общения.

Обсуждение

С целью определения отличительных, ранее не обнаруженных черт ВД и восприятия данного коммуникативного акта и отношения к нему с точки зрения современных активных интернет-пользователей разных языковых культур был проведен эксперимент в форме опроса с использованием свободного программного обеспечения (google-forms) на тему отношения к ВД носителей русского и французского языков. В рамках данного опроса респондентам предлагалось ответить на несколько вопросов, связанных с отличительными чертами виртуального общения в сопоставлении с естественным (в том числе проблема замены невербальных компонентов естественной коммуникации графическими изображениями и отсутствие пауз в электронной письменной речи), а также с их отношением к широкому распространению виртуальной коммуникации в наши дни.

Для проведения опроса были созданы две письменные анкеты, идентичные по содержанию, на русском и французском языках, последняя распространялась среди носителей туниССкого варианта французского языка. Хотя единственным государственным языком Туниса является арабский, французский язык имеет в Тунисе статус административного, в результате чего большинство образованного населения страны свободно владеет обоими языками.

В опросе приняло участие 65 человек: из них 36 заполнили русскоязычную (далее – РЯ) анкету, а 29 – франкоязычную (далее – ФЯ) (среди них было 27 представителей Туниса и 2 носителя французского языка из других стран). Распределение участников по возрасту и полу можно увидеть в таблице:

Таблица 1

Возраст и пол участников опроса

Участники	Возрастная группа (лет)			Пол	
	От 15 до 25	От 25 до 45	От 45 до 65	Женский	Мужской
Русскоязычные	70,3%	32,4%	0	74,7%	25,3%
Франкоязычные	37,9%	37,9%	20,7%	51,7%	48,3%

В обоих опросах приняли участие студенты вузов и специалисты по различным сферам деятельности: лингвистика, экономика, нефтегазовое дело, ИТ, ветеринария, биотехнологии, издательское дело, компьютерная инженерия, французский язык и литература, математика, философия, филология, биология, естественно-научные специальности, юриспруденция, технические специальности, международные отношения, педагогика, психология, информатика; медицина. Все принявшие участие в опросе респонденты подтвердили активное использование социальных сетей.

Анализ полученных ответов русских и туниских респондентов показал следующее. Представители и РЯ, и ФЯ сообществ чаще всего используют социальные сети для общения с другими людьми (51,7% и 44,8%, соответственно), однако ФЯ респонденты значительно чаще РЯ обращаются к социальным сетям как к источнику новостей и актуальной информации о мире. В то же время респонденты обеих языковых групп согласны, что ВД не является более эффективным видом общения, чем личное, однако большинство участников согласны, оба вида общения (и естественное, и виртуальное) одинаково успешны.

Важным тезисом обоих опросов представляется тот факт, что большинство респондентов предпочитают общаться лично (55,6% РЯ и 65,5% ФЯ), а выбор в качестве наиболее предпочтительного именно виртуального общения характеризуется низкой частотностью (8,3% РЯ и 13,8% ФЯ респондентов). Сторонники личного общения аргументируют свои позиции тем, что *«очень важно слышать интонацию (что невозможно в переписке)», «реальное присутствие говорящего придает диалогу определенную убедительность»* и *«нравится видеть реакцию человека, эмоции, мимику, поведение и понимать, идет ли обсуждение в правильном направлении»*. С их точки зрения, *«виртуальное общение не дает порой тот уровень коммуникации, который может предоставить непосредственно личный разговор, в переписке существует временная задержка, и человек может игнорировать сообщение, отправлять эмоджи, которые можно двояко интерпретировать. Если это видеосвязь, то на общение может негативно влиять качество соединения и оборудования»*.

В то же время сторонники виртуальной коммуникации подтверждают, что *«виртуально большим плюсом является меньшая энергозатратность, что позволяет поддерживать более стабильное взаимодействие с другими людьми, в том числе в условиях повседневной загруженности или же усталости от рутинных дел»*. ВД облегчает обмен информации независимо от географического местоположения и характеризуется удобностью, скоростью, доступностью и гибкостью при экономии сил и времени. Несмотря на общее предпочтение личного общения, респонденты обеих языковых сообществ согласны, что виртуальное общение по сравнению с живым характеризуется большей легкостью и свободой самовыражения: так ответили 63,9% РЯ и 86,2% ФЯ респондентов.

Что касается невербальных компонентов коммуникации, большинство участников используют жесты и мимику при личном общении, однако представители ФЯ сообщества значительно больше уверены в успешной передаче чувств и эмоций при помощи невербальных средств коммуникации, чем РЯ респонденты (96,6% и 66,7% респондентов, соответственно). Также ФЯ респонденты больше верят в успешность передачи эмоций при помощи графических изображений (таких, как эмодзи и смайлики), считая их равноценным способом отражения коммуникативного намерения, чем представители РЯ языкового сообщества (48,3% и 32,4% от общего числа респондентов, соответственно). Одной из основных причин неприя-

тия графических средств передачи эмоций является то, что смайлики и эмодзи имеют определенную общепринятую коннотацию, но несмотря на это *«воспринимаются людьми по-разному, поэтому велик риск использовать эмодзи, на которое собеседник отреагирует (или воспримет его) не так, как задумано отправителем»*.

91,7% русских и 96,6% ФЯ респондентов считают паузы важным элементом речевого общения, чье отсутствие в письменной речи (в нашем случае в ВД) влияет на качество коммуникации. По их словам, можно отсутствие пауз при виртуальном общении компенсировать различными средствами, например, используя многоточие (...), чтобы сигнализировать о том, что мы размышляем, и другие знаки препинания. ВД также характеризуется отсутствием синхронной моментальной реакции собеседников. Тем не менее, для русских респондентов данное свойство не вызывает неудобства при виртуальном общении (55,6%).

Однако 65,5% ФЯ респондентов испытывают неудобство от отсутствия синхронной реакции собеседника при виртуальном общении и указывают, что при виртуальном общении можно заменить синхронную реакцию собеседника быстрыми письменными подтверждениями, например, «я понимаю», «о да!» или «я согласен», чтобы поддерживать интерактивный обмен, или смайликами, видео или голосовыми сообщениями. Громкость голоса собеседника важна и для РЯ, и для ФЯ участников (75% и 89,7%, соответственно), однако большинство отметило, что в виртуальном общении это можно компенсировать голосовыми сообщениями.

По мнению абсолютного большинства респондентов, в современном мире виртуальная коммуникация получает все большее распространение, но с расширением ее применения соглашаются не все участники. 97,2% из РЯ респондентов признают расширение применения виртуальной коммуникации и 81,1% опрошенных поддерживают ее доминирующую роль. ФЯ респонденты тоже подтверждают широкое распространение виртуальной коммуникации (96,6%), однако четкой позитивной или негативной оценки выявить не удалось (49,8% респондентов считают, что это хорошо, а 50,1% – что плохо). Несмотря на это, представители обоих языковых сообществ (77,8% РЯ и 79,3% ФЯ респондентов) считают, что большее распространение виртуального общения заметно влияет на изменение норм живого личного общения в наши дни.

Выводы

Исследование виртуальной коммуникации как постоянно развивающегося феномена с точки зрения РЯ и ФЯ (туниской) культур показало больше сходств, чем различий в трактовке и оценке ВД. Так, с одной стороны, ВД обеспечивает пользователям удобство, скорость, доступность, гибкость и легкость в использовании. Однако многие отличительные свойства по сравнению с естественным — например, отсутствие пауз в речи, замена жестов и мимики эмодзи и смайликами, асинхронная реакция собеседников — вызывают сомнения в валидности и эффективности такого общения и достижения его целей. С другой стороны, ключевое воздействие киберпространства заключается, безусловно, в замене «реального» общения «виртуальным». Значительное распространение именно такой виртуальной формы общения приводит к изменению норм живого личного общения под влиянием виртуальной культуры в нашем современном мире.

Список источников

1. *Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) // Автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 18 с.
2. *Галкин Д.В.* Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. 2000. № 1-2. С. 26–34.
3. *Долинин К.А.* Интерпретация текста: Французский язык: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: КомКнига, 2010. 304 с.

4. *Иванов Л.Ю.* Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи. М., 2000. С. 35–45.
5. *Лутовинова О.В.* Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса // Автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. филол. наук. Волгоград, 2009. С. 9.
6. *Михайлов В.А., Михайлов С.В.* Особенности развития информационно коммуникативной среды современного общества // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории коммуникации». СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 34–52.
7. *Скребцова Т.Г.* Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 312 с.
8. *Anderson B. et al.* Facebook psychology: Popular questions answered by research // Psychol. Pop. Media Cult. 2012. V. 1. № 1. С. 23–37.
9. *Dunbar R.I.M.* Do online social media cut through the constraints that limit the size of offline social networks? // R. Soc. open Sci. 2016. V. 3. № 1. P. 150292.
10. *Baron N.S.* Computer-Mediated Communication as a force in language change // Visible Language. 1984. Vol. 18. № 2. P. 118–141.
11. *Crystal D.* Language and the Internet. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 318 p.
12. *Erickson T.* Making Sense of Computer-Mediated Communication (CMC): Conversations as genres, CMC Systems as Genre Ecologies // Proceedings of the 33rd Hawaii International Conferences on System Sciences. 2000.
13. Internet paradox: A social technology that reduces social involvement and psychological well-being? (1998) / R. Kraut, V. Lundmark, M. Patterson, S. Kiesler, T. Mukopadhyay, W. Scherlis // American Psychologist. Vol. 53 (9). P. 1017–1031.
14. *Matusitz J.* Intercultural Perspectives on Cyberspace: An Updated Examination // Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2014. Vol. 24. Issue 7. P. 713–724.
15. *Merzeau L.* Du signe à la trace: l'information sur mesure. Hermès, La Revue – Cognition, communication, politique, 2009. 53. Pp. 23–29.
16. *Suler J.* The basic psychological features of cyberspace // *Suler J.* The Psychology of Cyberspace. 1996. 346 с.

References

1. *Galichkina E.N.* The specifics of computer discourse in English and Russian (based on the genre of computer conferences) // Abstract of PhD of Philology Dis. Volgograd, 2001. 18 p.
2. *Galkin D.V.* Virtual discourse in postmodern culture // Criticism and semiotics. 2000. No. 1-2. P. 26-34.
3. *Dolinin K.A.* Interpretation of the text: French: Textbook. Ed. 4-E. M.: KomKniga, 2010. 304 p.
4. *Ivanov L.Y.* The language of the Internet: notes of a linguist // Dictionary and culture of Russian speech. M., 2000. pp. 35-45.
5. *Lutovinova O.V.* Linguistic and cultural characteristics of virtual discourse // Abstract of grand PhD of Philology Dis. Volgograd, 2009. P. 9.
6. *Mikhailov V.A., Mikhailov S.V.* Features of the development of the information and communication environment of modern society // Collection of scientific papers “Actual problems of communication theory”. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State Pedagogical University, 2004. P. 34-52.
7. *Skrebtsova T.G.* Linguistics of discourse: structure, semantics, pragmatics. A course of lectures. M.: YASK Publishing House, 2020. 312 p.
8. *Anderson B. et al.* Psychology of Facebook: answers to popular questions obtained in the course of research // Psychology. Clap. A media cult. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 23-37.

9. *Dunbar R.I.M.* Do online social networks overcome the limitations that limit the size of offline social networks? // *R. Soc. open Sci.* 2016. Vol. 3. No. 1. P. 150292.
10. *Baron N.S.* Computer-mediated communication as a factor of linguistic changes // *Visible language.* 1984. Vol. 18. No. 2. P. 118-141.
11. *Crystal D.* *Language and the Internet.* Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 318 p.
12. *Erickson T.* Understanding Computer-mediated communication (CMC): conversations as genres, CMC systems as genre ecology // *Proceedings of the 33rd Hawaii International Conference on Systems Sciences.* 2000.
13. The Internet Paradox: a social technology that reduces social engagement and psychological well-being? (1998) / R. Kraut, V. Lundmark, M. Patterson, S. Kiesler, T. Mukopadhyay, W. Sherlis // *American Psychologist.* Volume 53 (9). P. 1017-1031.
14. *Matusits J.* Intercultural perspectives of cyberspace: an updated analysis // *Journal of Human Behavior in the social environment.* 2014. Volume 24. Issue 7. P. 713-724.
15. *Merzo L.* The sign as a trace: information in time. *Hermes, Review magazine – Cognition, Communication, Politics,* 2009. 53. P. 23-29.
16. *Suler J.* The main psychological features of cyberspace // *Suler J. Psychology of cyberspace.* 1996. 346 с.

Статья поступила в редакцию 26.02.2025; одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 13.03.2025.

The article was submitted 26.02.2025; approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 13.03.2025.